

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА“

ЧѢМЪ МЫ ЖИВЪ.

Въ Томскѣ.

Въ русской литературѣ существуетъ странное явленіе, чтобы не сказать больше, именуемое кн. Мещерскимъ и его газетой «Гражданиномъ». Много смѣху, а можетъ быть, и гори, приноситъ этотъ господинъ на нивѣ русской печати. Варварскій языкъ французско-нижегородскаго стили, невозможные періоды и, наконецъ, направленіе, не то обскурантное, не то талмудистическое, дѣлаютъ изъ «Гражданина» чисто литературный раритетъ.

Но такъ какъ эта газета читается лишь по необходимости и больше нашимъ братомъ — обязательнымъ литераторомъ, то собственно публика и не является страдательнымъ лицомъ. Но есть предѣлы, которые нельзя переходить и, потому, вѣсто обзора нашей томской жизни, мнѣ приходится обратить вниманіе моихъ читателей на эту литературную штучку. Въ «Гражданинѣ» процитирую слѣдующее:

Въ одномъ изъ полученныхъ мною изъ Сибиріи писемъ, я прочелъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Варте, князь, что только сибирская желѣзная дорога можетъ открыть главу правительству на все то, очень дурное, очень злобѣщее и очень опасное, что у насъ, благодари отсутствію сообщений, — не только дѣлается, но готовится для будущаго. Сибирь связана съ Россією только бумагами, а бумаги, въ особенности здѣсь, плохую оказываютъ услугу и правительству, а краю, то есть намъ: для правительства онѣ скрываютъ правду, инвертируютъ вѣрное представление о край, а для края онѣ инвертируютъ представление о правительствѣ и даютъ населенію чувствовать не столько нищѣ силы и мудрости великаго Русскаго царства, сколько духъ мелочной придирчивости и канцелярскаго формализма. Оттого, даю вамъ слово, что эта буланная связь съ Россією, съ каждымъ годомъ все слабѣе и очевиднѣе для насъ, горсти любящихъ Россію людей, رابطаютъ Сибирь съ вею, дѣломъ и духомъ. Это не фалатонъ національнаго стремленія къ сепаратизму! Ничуть! Это глухой, какъ бы подобный подвѣнной работѣ вулканической почвѣ, постоянный, полевой процессъ отчужденія отъ всего русскаго, который вы найдете и въ молотѣ матери, кормилицѣ ребенка, и въ утробной настроеніи аювника, и

въ истинныхъ народныхъ массахъ, и въ міросозерцаніи интеллигента, въ воздухахъ, такъ сказать, всей Сибиріи...

Вотъ почему, не обинуясь, говорю намъ, князь: не дай Богъ медлить сибирскою желѣзною дорогою: всякое промедленіе теперь будетъ крупною государственною ошибкою. Сибирская желѣзная дорога нужна Сибиріи и нужна Россіи, какъ операція катаракты нужна родившемуся съ ней: она должна открыть Сибирь Россіи, а Россію — Сибирь, разозлѣ и поскорѣе».

Для насъ, сибиряковъ, это дерзкій и презрѣнный доносъ на нашу общественную жизнь. Начать съ того, что ни одинъ сибирякъ не можетъ писать той доманой фразой, какую изложено это письмо, — надо думать по французски, чтобы явился потомъ такой русскій переводъ.

Никакого идейнаго, а тѣмъ паче народнаго, сепаратизма у насъ уже не существуетъ. Было время, когда изъ области чисто ивѣстныхъ, культурныхъ самобытностей, маленькая кучка людей гшлалась перенести это циничное въ литературу и въ сознаніе сибирской интеллигенціи. Но эта попытка и осталась только таковою, и въ громадномъ большинствѣ теперешняго сибирскаго интеллигентнаго общества существуетъ убѣжденіе въ полнѣйшей неразрывности своей съ русскою культурой и сознаніе, что здѣсь хуже живется, чѣмъ въ остальной Россіи. Дальше этого нынѣшнія сибирскія матери ничего съ молочкомъ своимъ дѣтнимъ не передаютъ. Много зла, и частнаго, и общественаго, живетъ и существуетъ еще и теперь на сибирской почвѣ И, конечно, ничто больше не можетъ способствовать нашему внутреннему улучшенію, какъ желѣзная дорога, нивѣющая окончательно массу связать съ цивилизованнымъ міромъ, съ которымъ мы въ большинствѣ года сообщаемся лишь per pedes apostolorum. При желѣзной дорогѣ такая дикая заштѣка не могла бы появиться въ «Гражданинѣ»: ибо въ такомъ родѣ писать можно лишь о Патагоніи или объ африканскомъ озерѣ «Викторіи», а не объ искони русскомъ край.

Кстати уже о литературныхъ новостяхъ. Мы нарочно перепечатали одно изъ пи-

семь г. Чехова, какъ образчикъ непредубь-
 жденнаго наблюденія надъ нашею жизнью.
 Въ немногихъ, но яркихъ строкахъ, подмѣ-
 чены постороннимъ намъ челоуѣкомъ тѣ
 черты мѣстной жизни, которыя ускольза-
 ютъ отъ нашего вниманія, разбрасывающа-
 гося въ массѣ нашей повседневной обы-
 вательской жизни. Съ глубокою вѣрностью
 очерчена здѣсь сибирская женщина, но не
 указана причинность явленія.

Это сѣрое небо, этотъ суровый климатъ,
 эта тоскливая неразнообразная жизнь, ли-
 шенная природы и колорита, не могла дать
 ничего, кромѣ женщины безъ колорита и
 безъ веселой пѣсни на устахъ.

Элементарныя условія общественной жи-
 зни могли породить лишь женщину элемен-
 тарнаго простѣйшаго темперамента. Измѣ-
 нится, если не небо, то жизнь, и, быть
 можетъ, у сибирской женщины и появится,
 не холерическое, а вполне отчетливое чув-
 ство самопожертвованія, отсутствіе чего,
 главнымъ образомъ, и приписываетъ г.
 Чеховъ нашей женщинѣ. **Винъ.**